

Гусева Мария Александровна

ГЕНДЕРНЫЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В центре проблематики данной статьи стоит понятие языковой личности как индивида, обладающего определенным языковым сознанием и способностью к осуществлению коммуникативных действий в конкретных социальных условиях. Речевое поведение языковой личности находится под влиянием целого комплекса факторов социального и личностного плана, находящихся в состоянии взаимовлияния и взаимообусловливания. Удельный вес данных факторов различен, но учет каждого из них необходим для составления целостной картины вербального поведения языковой личности. Полагаем, что значительный отпечаток на вербальное поведение человека накладывает его гендерная принадлежность, обуславливающая специфические черты речевого поведения мужчин и женщин. Фактический языковой материал позволяет констатировать тот факт, что гендерный критерий носит промежуточный характер (ни чисто социальный, ни чисто личностный). Будучи лингвистически релевантным, он, однако, не может быть рассмотрен как абсолютный маркер мужского и женского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 25-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

5. Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. - Элиста, 1996.
6. Ткачев В. Н. Цвет и пространство в монгольской архитектуре // Народы Азии и Африки. - М., 1984. - № 3. - С. 107-113.
7. Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». - Элиста, 1976.

ГЕНДЕРНЫЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Гусева М. А.

ГОУ ВПО «Армавирский государственный педагогический университет»

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Алимуратовым О. А. и к.ф.н., доц. Сердюковой Н. М.

В центре проблематики данной статьи стоит понятие языковой личности как индивида, обладающего определенным языковым сознанием и способностью к осуществлению коммуникативных действий в конкретных социальных условиях. Речевое поведение языковой личности находится под влиянием целого комплекса факторов социального и личностного плана, находящихся в состоянии взаимовлияния и взаимообуславливания. Удельный вес данных факторов различен, но учет каждого из них необходим для составления целостной картины вербального поведения языковой личности. Полагаем, что значительный отпечаток на вербальное поведение человека накладывает его гендерная принадлежность, обуславливающая специфические черты речевого поведения мужчин и женщин. Фактический языковой материал позволяет констатировать тот факт, что гендерный критерий носит промежуточный характер (ни чисто социальный, ни чисто личностный). Будучи лингвистически релевантным, он, однако, не может быть рассмотрен как абсолютный маркер мужского и женского языка.

Устойчивая тенденция к антропоцентризму, присущая современной лингвистической науке, позволяет рассматривать язык, как семиотическую систему, существование и организация которой соотносятся, прежде всего, с субъектом речи - человеком. Язык не может существовать вне *языкового сознания*, носителем которого является *языковая личность*, т.е. «человек, существующий в языковом пространстве - в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2002: 8]. Антропоцентрическая лингвистика изучает личность в ее способности к речевому мышлению, речевому общению и речевому поведению.

Язык - это явление социальное, которое объединяет всех членов культурно-лингвистического сообщества, характеризующегося единством ценностных установок и морально-этических норм. Язык, по выражению А. М. Пешковского, есть, прежде всего, сфера общепринятого, и правила порождения и восприятия речи одинаковы для всех без исключения носителей языка. Из этого следует вывод о наличии в языковой личности некоего *инварианта* (национальной составляющей), обеспечивающего возможность взаимопонимания носителей различных диалектов, социолектов т.д. Однако каждая отдельная личность на основе собственных переживаний и установок формирует в своем сознании индивидуальную картину мира. Согласно Д. Б. Гудкову «каждая языковая личность уникальна, обладает собственным когнитивным пространством, собственным знанием языка и особенностями его использования» [Гудков 2003: 49]. Таким образом, мы можем говорить о *вариативной составляющей* языковой личности, определенным образом характеризующей ее. Речь человека с неизбежностью отражает его внутренний мир, его индивидуальность. Однако, как отмечает В. В. Наумов, «взаимосвязь человека и языка отнюдь не исчерпывается оппозицией: хороший человек - правильная (корректная, нормативная) речь, плохой человек - неправильная (ненормативная речь)» [Наумов 2006: 7]. Незнание или неумение воспользоваться тем или иным языковым знаком для реализации своего коммуникативного намерения не говорит об ущербности языковой личности. Цельность и органичность языковой личности не зависит от уровня интеллекта, образования, нравственности и т.д. Способность индивида осуществлять речевую деятельность уже дает ему возможность ощущать себя «равным среди равных» [Наумов 2006: 18]. Таким образом, языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой стороны, являются носителями языкового сознания, которое находит свое воплощение в *речевом поведении*.

В самом общем смысле языковая личность рассматривается как субъект, способный осуществлять речевую деятельность. Однако различными авторами это понятие специфически конкретизируется. В зависимости от подхода к предмету изучения выделяются и типы языковых личностей.

Так, Ю. Н. Караулов под языковой личностью понимает «закрепленный преимущественно в семантической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры речевой личности» [Караулов 1987: 42]. Автор отмечает, что языковая личность выступает носителем национального начала и культуры. Ту же мысль подчеркивает и В. И. Карасик, считая, что, по сути, языковая личность всегда национальна и принадлежит определенному лингвокультурному сообществу со свойственными ему сознанием и национальными стереотипами, которые языковая личность присваивает в процессе социализации [Карасик 2002]. Соответственно, в рамках *лингокультурологического подхода* уместно выделение типов языковой личности по оппозиции «свой - чужой»: 1) человек, говорящий на родном языке в естественной для него коммуникативно-культурной среде; 2) человек, для которого естественным является общение на чужом языке (люди, живущие в чужой стране; люди, пользующиеся языком международного общения в целях естественной коммуникации, и т.д.); 3) человек, который говорит на чужом языке в учебных целях, не относящихся к характеристикам естественной среды общения.

Ряд ученых полагает, однако, что в основе выявления характеристик языковой личности должно лежать не только и не столько национальное языковое сознание, сколько конкретное вербальное (речевое) поведение самого индивида, в котором оно (языковое сознание) находит свою реализацию. Так, под языковой личностью Г. Н. Беспамятова предлагает понимать «совокупность отличительных качеств личности, обнаруживающихся в ее коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальность» [Беспамятова 1994: 10]. Эту точку зрения разделяет и В. С. Воркачев, трактуя языковую личность как совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык в качестве средства общения [Воркачев 2001: 64]. В том же русле трактуют рассматриваемое понятие и другие авторы: «Языковой личностью считают субъект, способный осуществлять речевую деятельность, оперируя интегральными смысловыми образованиями» [Клюканов 1998: 73]. В рамках *коммуникативного подхода* В. П. Нерознак находит целесообразным выделение двух основных типов языковой личности: 1) стандартная языковая личность, отражающая усредненную, литературно обработанную норму языка и речевого поведения и 2) нестандартная языковая личность, проявляющая отклонения от нормативного поведения, в том числе и речевого [Карасик 2002: 17]. На наш взгляд такое разграничение достаточно условно, так как языковая личность - явление многоаспектное, и в определенных ситуациях общения к последней разновидности относится столь большое количество людей, что называть их «нестандартными» достаточно сложно.

В этом отношении релевантным является *прагматический подход* к исследованию языковой личности, учитывающий фактор изменчивости установок, целей, речевых тактик языковой личности в зависимости от условий коммуникативной ситуации и выбора речевого партнера. «В реальном общении ситуативное развитие многих постоянно меняющихся факторов личностного взаимодействия определяет наш неосознанный либо осознанный выбор той или иной коммуникативной стратегии и тактики, той или иной манеры общения» [Карасик 2002: 20]. По мнению С. А. Сухих, одной из важных характеристик языковой личности является способность использовать разные регистры языка сообразно изменениям ситуации, целей и участников коммуникации [Сухих 1998: 76]. Из этого следует вывод о нестабильности и изменчивости отдельных структурных составляющих языковой личности.

Социолингвистический подход к изучению рассматриваемого явления основан на утверждении о том, что человек реализуется как языковая личность только в социуме, в результате общения с людьми. Языковая личность занимает определенную *социальную позицию* в обществе, где проигрывает определенные *социальные роли*. Согласно В. В. Наумову, «языковая личность - это наивный носитель языка, способный реализовать в речевой деятельности некую совокупность языковых средств, характеризующих определенную часть языкового коллектива (социальную группу) в данный промежуток времени» [Наумов 2006: 12]. Представители данного направления (М. А. Канчер, Е. В. Бакумова, В. В. Красных, И. Н. Тупицына и др.) предлагают выделять типы языковых личностей по объективным статусным признакам - возраст, пол, уровень образования, стиль жизни и т.д. Языковая личность в социолингвистическом аспекте может быть охарактеризована с позиций либо заданного социального типа, либо определенных знаков, рассматриваемых как индикаторы статуса или роли [Карасик 2002: 13]. В первом случае анализ направлен на выявление тех знаков, которые характеризуют заранее определенный тип личности (телевизионного ведущего, политика, предпринимателя, учителя и т.д.). Такой анализ представляет собой построение «речевого портрета» языковой личности [Крысин 2001]. Во втором случае предметом поиска является совокупность характеристик того социального типа, который выделяется на основании заданных знаков, например, определенных характерных фраз. Фактор влияния социального положения человека в обществе на особенности его речевого поведения очевиден, однако следует отметить, что социальное достаточно сложно трансформировано в языке, вследствие чего социальная статификация языка и структура речевого поведения людей не находят себе прямых аналогий в структуре общества [Токарева 2006].

В психологии личность трактуется как «относительно стабильная организация мотивационных предположений, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия между биологическим, социальным и физическим окружением» [Караулов 1987: 35]. Язык, в свою очередь, является одним из способов интеграции человека в общество в процессе социализации. *Психолингвистика*, также занимающаяся исследованием языковой личности, дает возможность выявить относительно постоянные эмоционально-волевые личностные характеристики и способ их взаимодействия, понять, каким образом эти характеристики развиваются во времени и почему люди проявляют себе определенным образом в процессе коммуникации. С позиций психолингвистики уместно противопоставить типы личностей, выделяемые в психологии, и рассмотреть языковые и речевые способы проявления соответствующих личностей в корреляции с выявляемыми в психологии психотипами.

В рамках *герменевтики* понятие языковой личности интерпретируется с точки зрения готовности человека к пониманию текстов различного уровня. Пониманием текста называют «обращение опыта человека на текст с целью освоения тех частей его содержательности, которые не удается освоить посредством привычных действий смыслового восприятия» [Богин 1982: 17]. Опыт, который человек обращает на текст с целью освоения его содержательности, т.е. представленной и преломленной в нем действительности, является не только лингвистическим, но и социальным, эмоциональным, оценочным и культурным опытом. Успешность овладения смыслами, ориентировка в содержательности текстов требует определенного уровня развития языковой личности. По мнению Г. И. Богина, тип понимания текста (семантизирующее, когнитивное или распределительное) находится в прямой зависимости не только от содержательности текста, но и от харак-

тера деятельности субъекта при рецепции текста. Г. И. Богин строит иерархию пяти уровней развития языковой личности, каждый из которых предполагает соответствующий характер деятельности реципиента текста. По мере того как языковая личность развивается от уровня к уровню (что соотносительно с ростом социализации личности в целом), происходит и поступательное развитие рефлексивной способности. Благодаря этому создаются все более благоприятные условия для преодоления непонимания текстов.

Итак, интерпретация понятия «языковой личности» осуществляется с различных позиций: с позиции коллективного / индивидуального языкового сознания, особенностей речевой деятельности, индивидуально-психологических и социально-ролевых характеристик, однако наличие многочисленных интерпретаций рассматриваемого явления несколько не свидетельствуют о противоречивости и абстрактности самого термина. На наш взгляд, все вышеперечисленные точки зрения успешно сосуществуют и являются взаимодополняющими.

Кратко охарактеризовав основные подходы к исследованию языковой личности, далее хотелось бы остановиться на рассмотрении ее структуры.

Вполне обоснованной, на наш взгляд, является точка зрения В. И. Карасика, согласно которой выделяется пять аспектов речевой организации языковой личности: 1) *языковая способность* как органическая возможность научиться вести речевое общение; 2) *коммуникативная потребность*, т.е. потребность во взаимодействии с речевым партнером; 3) *коммуникативная компетенция* как выработанное умение осуществлять общение в его различных видах для оптимального достижения коммуникативной цели; 4) *языковое сознание* как активное вербальное средство объективизации окружающего нас мира и наших знаний о нем посредством языка; 5) *речевое поведение* как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих в процессе коммуникативной деятельности человека его характер и образ жизни [Карасик 2002: 9].

Языковая способность и коммуникативная потребность выступают как предпосылки для овладения языком и осуществления общения, в то время как, коммуникативная компетенция есть степень владения языком, уровень развития соответствующих навыков и умений. По мнению А. М. Шахнаровича, языковая способность - это «механизм, обеспечивающий использование «психологических орудий», а «процесс использования этих орудий, культурные правила их выбора и ситуативная организация находятся вне собственно языковой способности. Они принадлежат коммуникативной компетенции, которая вместе с языковой способностью составляет языковую личность» [Шахнарович 1995: 223].

Языковое сознание человека является важнейшим, но в то же время наиболее абстрактным компонентом структуры языковой личности. Оно представляет собой динамически функционирующее ментальное пространство индивида, обуславливающее особенности его речевого поведения. Мы уже касались вопроса о сочетании в языковой личности инвариантной (национальной) и вариативной (личностной) составляющей, подтверждение этой мысли мы находим в работах В. В. Красных, которая предлагает выделять три основных набора знаний и представлений языкового сознания индивида: 1) индивидуальное когнитивное пространство - уникальная совокупность всех знаний и представлений данного человека как личности; 2) коллективное когнитивное пространство - совокупность знаний и представлений, определяющих принадлежность человека к той или иной социальной группе; 3) когнитивная база - необходимые знания и представления, объединяющие всех носителей этих знаний и представлений в «национально-лингво-культурное сообщество» [Красных 1998: 41-45].

Следует также отметить, что когнитивный багаж носителя языка не остается неизменным, как и его языковое сознание, он постоянно обновляется и репрезентируется в процессе речевой деятельности: «Концептуальная система - это динамическое образование, которое постоянно находится в состоянии развития и оперативной подвижности. Она постоянно преобразуется под влиянием приходящей извне информации...» [Серебренников 1988: 167-168].

Языковое сознание опредмечивается в речевой деятельности, через систему поступков, которую можно определить как вербальное поведение, являющееся своего рода индикатором личности говорящего. Вербальное (речевое) поведение человека, безусловно, может многое сказать об уровне его общей эрудиции, особенностях интеллекта, мотивации поведения и эмоционального состояния. Лингвистический анализ речевого материала «позволяет реконструировать содержание мировоззрения личности» [Караулов 1989: 6].

Речевое поведение языковой личности находится под влиянием целого комплекса факторов, находящихся в состоянии взаимовлияния и взаимообуславливания. Удельный вес данных факторов различен, но учет каждого из них необходим для составления целостной картины вербального поведения языковой личности. Полагаем, что значительный отпечаток на вербальное поведение человека накладывает его *гендерная принадлежность*, представляющая собой *приписанный статус*, который достается человеку автоматически, помимо его воли или желания и, будучи полученным, сопровождает его на протяжении всей жизни [Беликов, Крысин 2001: 181]. В этой связи мы можем говорить о *гендерных ролях* - «наборе ожидаемых образцов поведения (норм) для мужчин и женщин» [Майерс 1997: 259]. Однако в процессе социализации человек приобретает определенную позицию в обществе в соответствии с его уровнем образования, профессией, возрастом, индивидуальными особенностями и т.д. - *социальный (присваиваемый) статус*. Согласно социальному статусу, человеку атрибутируются права и обязанности, а также вытекающий отсюда комплекс стандартных ожиданий поведения - *социальная роль*, обуславливающая речевое поведение индивида в каждой конкретной ситуации общения.

Итак, на наш взгляд, языковая личность может быть охарактеризована на основе трех критериев: 1) критерий вербального поведения; 2) критерий гендерной принадлежности; 3) социально-ролевой критерий. При этом критерий вербального поведения находится в теснейшей зависимости от двух других, которые несут комплексный характер и, по сути, обуславливают первый критерий.

Проблема различий в речевом поведении мужчины и женщины занимает центральное место в гендерных исследованиях, широко представленных в современной зарубежной и отечественной лингвистике. Являясь одним из важных параметров самоидентификации личности, пол оказывает воздействие на процессы обработки и структурирования информации в языковом сознании индивидов, тем самым влияя на их вербальное поведение [Картушина 2003]. Учет гендерного аспекта речевого поведения коммуникантов позволяет глубже проникнуть в женскую или мужскую картину мира, и, таким образом, полнее понять реально существующие модели вербального поведения мужчин и женщин, а также специфику мужской и женской речевых стратегий и тактик.

А. В. Кирилина приводит следующие наблюдения некоторых особенностей мужского и женского речевого поведения:

1. В мужской речи отмечается стремление к точности и эксплицитности оценочной номинации:

«My word, Laura! **You do look stunning**», said Laurie [Mansfield 2005: 34];

«She smiled and Ashurst said: «**You are a pretty thing!**» [Galsworthy 2005: 67];

«She was outlined against the sky, carrying a basket and you could see that sky through the crook of her arm. And Ashurst...said: «**How pretty!**» [Galsworthy 2005: 93];

В то время как женщины часто прибегают к использованию сложных речевых оборотов и образно-метафорических средств с высокой концентрацией эмоционально-оценочной лексики:

«He was... a tight little fellow: short, dark, with a warm colour and **that upright set of the head and chest which recalls a mating bird**» [Lawrence 2006: 26];

«My child! said her mother, the hat is yours. It's made for you...I have never seen you **such a picture!**» [Mansfield 2005: 42].

2. К типичным чертам женской речи относится гиперболизированная экспрессивность:

«My darling! No, it's not too late. It's all been a mistake, a terrible dream. **Oh, that white hair!** How could I have done it. I haven't done it! **Oh, heavens! Oh, what happiness!**» [Mansfield 2006: 46].

3. В мужской речи отмечается тенденция к использованию экспрессивно-сниженных средств, намеренное огрубление речи:

«**Screw the legal nitpicking, dammit!**» [Segal 2006: 23].

Женщины, используя подобную лексику, могут стремиться обозначить свою выделенность в речи и поведении. Была замечена тенденция, согласно которой мужчины в большей мере склонны к использованию нестандартного языка, а женщины стремятся к поддержанию стандарта [Токарева 2006]. Сниженная речь, как считают исследователи, является показателем мужественности, и если женщина использует в речи, например, инвективные выражения, то это свидетельствует о ее желании ассимилироваться в мужской группе и завоевать статус:

«Why **the hell** should I come to a **lousy** game?» [Segal 2006: 14];

«Jen...what would you say if I told you...I think...I'm in love with you»

«I would say...**you were full of shit**» [Segal 2006: 45].

4. Женщинам более свойственны фатические речевые акты; они легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации. Переходы от одной темы к другой на протяжении диалогового взаимодействия происходят у женщин плавно; у мужчин границы между тематическими фрагментами прослеживаются четко.

5. В целом, для мужчин характерен авторитарный дискурс, женщинам чаще удается установить вербальный контакт, найти правильный тон в общении с партнером, избежать возможной конфликтной ситуации [Кирилина 2005].

Широкое распространение в гендерной лингвистике получило представление о том, что многие особенности речевого поведения женщин и мужчин определяются несходным восприятием окружающей действительности коммуникантами разных полов, т.е. существенными различиями в когнитивной сфере. Одним из наиболее интересных предметов исследования в рамках когнитивного направления гендерной лингвистики является изучение гендерных особенностей категоризации (классификации объектов социального мира) на разных ее этапах. Так О. Н. Колосова, выделяя этапы установления дистанции отчуждения, предикации признаков и присвоения объекту соответствующих темпорально-локативных параметров, утверждает, что перечисленные этапы находят разную реализацию у мужчин и женщин. Для женщин на первом этапе характерна пониженная дистанция между субъектом и объектом когнитивной деятельности: из двух способов описания одного и того же события - *I was on a trip to lake Tahoe* и *We were on a trip to lake Tahoe* - мужчины обычно избирают первый, женщины - второй. Этап предикации признака объекту различается у мужчин и женщин в аспекте точной или соотносительной степени интенсивности приписываемого признака. Отмечается, что женщинам свойственно использование стертых градаций признака: *You are very dear to me; Alex is my very good friend*, тогда как мужчины предпочитают градации четкие и однозначные: *You are my dearest friend; Alex is my best friend*. По утверждению автора, наблюдаются некоторые гендерно обусловленные тенденции и при отражении пространственно-временных характеристик объекта. Женщинам в несколько большей степени свойственно представление о времени как континууме, в то время как восприятие времени мужчинами

скорее соотносится с дискретными событиями: к примеру, женщины могут испытывать трудности при ответе на вопрос о самом счастливом дне своей жизни, предпочитая говорить о самом счастливом отрезке жизни; мужчины связывают счастливый день с каким-то конкретным событием [Колосова 1996].

Анализ существующей теоретической литературы показывает, таким образом, что гендерность действительно представляет собой лингвистически релевантный фактор, который находит многообразные проявления в речевой деятельности носителей языка.

Однако, как уже было упомянуто, различия в коммуникативном поведении общающихся не всегда являются прямым следствием половой принадлежности, они так же могут быть обусловлены социально-ролевым статусом коммуниканта. Статусно-ролевые признаки коммуникантов проявляются в симметрии - асимметрии социальных ролей «нижестоящего», «вышестоящего», «равного» [Токарева 2006: 35]

Речевая репрезентация социальных свойств личности может иметь различные формы. Так, Н. А. Фомина, анализируя особенности речевой деятельности индивида, представляющего тот или иной социум, рекомендует определять свойства языковой личности в трехмерном пространстве:

- 1) уровневая структура языка (фонетика, грамматика, лексика);
- 2) типы речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение);
- 3) степень владения языком (уровень правильности, интериоризации, насыщенности языковыми средствами, адекватного выбора языковых средств, адекватного синтеза) [Наумов 2006: 51].

Таким образом, социально детерминированными могут быть, например, различия в произношении:

«*Set th` table for my breakfast, an` put my pit-things afront o` th` fire. I s`ll be gettin` up at ha`ef pas` five. Tha nedna shift thysen not till when ter likes*» [Lawrence 2006: 27];

«Aren`t you goin` to wash yourself first?»

«What am I to *wesh mysen* for?» [Lawrence 2006: 27].

В приведенных примерах тот факт, что мужской персонаж не обладает высоким социальным статусом, подкрепляется, в первую очередь, графической передачей некорректного произношения. По мнению Н. С. Трубецкого, «все фонологические средства, которые служат для характеристики определенной языковой группы внутри какой-либо языковой общности, образуют систему» [Трубецкой 2000: 28].

Грамматические категории, используемые коммуникантами, так же могут быть социально обусловлены. Как правило, особенности употребления грамматических категорий коррелируют с фонетической манифестацией статуса говорящего.

«Gi`e me a han`kercher», he said.

«Why, you`ve got one», she replied.

«*I non want* a white un, *gi`e me a red un*», he said (D. Lawrence «A sick collier»).

Грамматически неверное построение отрицательного предложения, а также графическая передача нарушения говорящим произносительных норм дает нам представление о его социально-ролевых характеристиках.

Однако, как отмечает В. В. Наумов, именно словарь, в первую очередь способен выделить в языковом коллективе группы людей, социальный статус которых закрепляет за ними соответствующий набор лексических единиц, являющихся основой речевой характеристики индивида [Наумов 2006]. Показательным в этом отношении является использование разговорных существительных в роли *адресативов*, обладающих экспрессивным компонентом значения, который может выступать как спецификатор статуса говорящих:

1. «I am not talking legally, *Preppie*, I`m talking ethics. You *guys* have five million books. We have a few lousy thousand» [Segal 2006: 9];

2. «Though luck, Barrett. You played a helluva game. Really, *fellow*, I am so glad you took it. I mean, you people need to win so badly» [Segal 2006: 9];

3. «Listen, you *snotty Radcliffe bitch*, Friday night is the Dartmouth hockey game ...I want you to come» [Segal 2006: 14]

4. «Hey, you...you went overboard for me?»

«Don`t be too cocky she replied. Third is still only third».

«Hey, listen *you bitch*», I said.

«What, *you bastard*», she replied [Segal 2006: 85].

В примере 1 лексема *Preppie* имеет значение «a student who goes to expensive private school in the USA that prepares students for college» (LDCE). Коннотация лексемы имеет негативный оттенок. Употребление данного адресатива в контексте является маркером социального неравенства коммуникантов, который несет информацию в первую очередь о субъекте, а не объекте оценки. Образованная остроумная девушка Дженнифер Кавиллери из Рэдклифского университета обращается с явным пренебрежением к студенту Гарварда, Оливеру Баррету, выходцу из богатой известной семьи, который, по ее мнению, не отличается высоким интеллектом:

«What makes you so sure, I went to prep school?»

«You look stupid and rich», she said removing her glasses.

«You are wrong», I protested. «I`m actually smart and poor».

«Oh, no, Preppie, I`m smart and poor» [Segal 2006: 10].

Фамильярно-снисходительное обращение типа *fellow, guy* согласно исследованиям И. Е. Токаревой, возможны в речи женщины не высокого социального статуса. Это подтверждается использованием в примере 2

других элементов сниженного тона, в частности, просторечием *helluva* (hell of a), употребление которого приближает речевое поведение к мужскому. В примере 3 можно заметить, что мужчина, используя инвективу *bitch*, в некотором роде корректирует статусную разницу, поддерживая тактику собеседницы. В данном контексте эта инвектива приобретает скорее шуточный, нежели оскорбительный характер. Как в прочем и в примере 4 лексемы *bastard* и *bitch*, выступают не в прямом инвективном значении. Синтаксически диалог в данном примере строится по модели подхвата реплики.

Наличие в приведенных примерах фамильярно-грубоватых адресативов, возможно, объясняется влиянием окружающей социальной среды и ситуацией общения: коммуниканты - молодые люди, общение происходит в непринужденной атмосфере. Молодое поколение еще только входит в систему социальных ролей, сопутствующих предписаниям, ожиданиям и условностям, и можно было бы ожидать, что социальная регламентация речевого поведения еще не носит столь жесткий характер, как в пору социальной зрелости. Однако возрастной фактор лишь отчасти объясняет особенности речевого поведения коммуникантов. Большую объяснительную силу имеет, как представляется, их статусная принадлежность. Благодаря компоненту значения отрицательной оценки, данные лексические единицы несут большой потенциал в обозначении маркированности статусных отношений, следовательно, они и более регламентированы в употреблении именно из-за своего «опасного» отрицательного значения. Как отмечает И.Е. Токарева, «формы обращений к собеседнику, стереотипы употребления существительных в функции вокативов и адресативов принадлежат к той «зоне» языка, которая в большей степени чувствительна к влиянию социальных факторов» [Токарева 2006]. Это именно та часть речевого этикета, система которого в наибольшей степени обусловлена социальными характеристиками коммуникантов и ситуацией общения [Беликов, Крысин 2001].

Социальный статус может быть продемонстрирован индивидом и посредством выбора стиля речи. Беседа на литературном языке в неформальной ситуации свидетельствует о социальном неравенстве коммуникантов, наличии определенной дистанции. Разговорный стиль в официальной обстановке, напротив свидетельствует об отсутствии социального барьера между ними.

Подводя итог всему вышесказанному, еще раз хотелось бы отметить, что в понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием человека, с его мировоззрением. Любая личность раскрывается не только через предметную деятельность, но и через вербальное поведение, которое оказывается для данного конкретного человека более или менее предпочтительным. Вербальное поведение индивида обусловлено набором психических, мыслительных, а также социальных и гендерных стереотипов, сложившихся в данном языковом коллективе, или его части. Причем, гендерные и социально-ролевые характеристики личности нередко выступают в роли ведущих при идентификации языковой личности.

Список использованной литературы

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика [Текст] / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. - М., 2001.
2. Беспамятова Г. Н. Языковая личность телевизионного ведущего [Текст] / Г. Н. Беспамятова: Автореф. дис. канд. филол. наук. - Воронеж, 1994.
3. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. - 2001 - № 1. - С. 64-72.
4. Голсуорси Дж. Спасение Форсайта и другие рассказы. - М: ОАО Издательство «Радуга», 2005.
5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков. - М., 2003.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. - Волгоград: Перемена, 2002.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. - М., 1987.
8. Клюканов И. Э. Динамика межкультурного общения: системно-семиотическое исследование [Текст] / И. Э. Клюканов. - Тверь, 1998.
9. Колосова О. Н. Когнитивные основания языковых категорий (на материале современного английского языка) [Текст] / О. Н. Колосова: Дис. ... докт. филол. наук. - М., 1996.
10. Коробчак В. Н., Шевченко Г. В. Everybody to His Opinion [Текст] / В. Н. Коробчак, Г. В. Шевченко / Учебное пособие по чтению на английском языке для студентов V курса факультета иностранных языков. - Армавир: РИЦ АГ-ПУ, 2006.
11. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета [Текст] / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. - 2001. - № 1. - С. 90-107.
12. Майерс Д. Социальная психология [Текст] / Д. Майерс. - СПб., 1997.
13. Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности [Текст] / В. В. Наумов. - М.: ДомКнига, 2006.
14. Сегал Э. История любви. - М.: Айриспресс, 2006.
15. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса [Текст] / С. А. Сухих: Дис. ... доктора филол. наук. - Краснодар, 1998.
16. Токарева И. Е. Лексико-стилистическая вариативность языка: социальный и гендерный аспекты (на материале произведений Джона Фаулза) [Текст] / И. Е. Токарева: Дис... канд. филол. наук: 10.02.19. - Ростов н/Д., 2006.
17. Шахнорович А. М. Языковая личность и языковая способность [Текст] / А. М. Шахнорович // Язык - система. Язык - текст. Язык - способность: Сб. ст. / Ин-т рус. яз. РАН. - М., 1995. - С. 213-223.
18. Longman Dictionary of Contemporary English. - М., 2001.